

ТЕСТЕЛЕЦ Я. Г.

ЭРГАТИВООБРАЗНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Согласно традиционной точке зрения, строй предложения в нахско-дагестанских языках характеризуется довольно последовательной эргативностью. Эргативная, абсолютная и аффективная конструкции являются наиболее хорошо изученными таксономическими единицами синтаксиса этих языков. Меньше внимания уделялось до сих пор некоторым «периферийным» конструкциям, не подпадающим ни под один из упомянутых выше типов.

Ниже мы рассмотрим эргативобразные построения — структурные типы предложений, обладающих лишь одним признаком эргативной конструкции — отличием в способе оформления агенса от обычного способа оформления подлежащего непереходного глагола. Близкий по значению термин «эргативобразная конструкция» был предложен на материале индоарийских языков Т. Я. Елизаренковой [1] и в кавказоведении пока не получил широкого распространения; понятие «эргативоидная конструкция», которым пользуется З. Г. Абдуллаев, обладает иным содержанием [2]. На полезность применения термина «эргативобразная конструкция» в типологии указал Г. А. Климов [3].

Вместо терминов «подлежащее», «прямое дополнение», «переходный» и «непереходный» глагол, избыточность которых при описании синтаксиса нахско-дагестанских языков показана А. Е. Кибриком [4], следовало бы употреблять предложенную им семантическую терминологию: «агенса», «фактитив», «одно- и многоместный глагол». Ниже мы используем следующие обозначения: П^п — «подлежащее при переходном глаголе», правильное: «агенса при многоместном»; П^н — «подлежащее при непереходном», правильное: «фактитив при одноместном глаголе» и Д^п — «прямое дополнение», иначе: «фактитив при агентивном многоместном».

Понятие эргативобразного построения по самому замыслу должно охватывать разнородные синтаксические структуры, и, в соответствии с предложенным выше пониманием, нам кажется наиболее удобным чисто морфологический критерий их выделения — наличие эргативного падежа — в том случае, если данная конструкция в целом не может считаться эргативной. К числу эргативобразных мы, вслед за Г. А. Климовым [3], относим трехчленные (переходные, или агентивные, имея в виду «агента» в терминологии А. Е. Кибрика [5, II, с. 134, 138]) и двучленные (непереходные, фактитивные) построения, в которых выступает эргатив.

Если оставить в стороне эллиптические конструкции с опущенным пациенсом типа авар. *инсу-ца б-ачана* «отец(эрг.) пригнал (скот)» или отмеченную в чамалинском языке неопределенно-личную конструкцию с нулевым пациенсом: *вацуд ъ чин* «брат(эрг.) (кого-то) побил» [6], то основным объектом нашего рассмотрения будут сложные глаголы, исторически восходящие к сочетаниям переходного глагола с его Д^п и сохра-

нившие вследствие этого эргативное управление. Эти сочетания могут обладать разной степенью идиоматичности, ср. авар. *хлурмат гъабизе* (= «почет делать») «почитать», цез. *хлукму бода* (= «мудрость делать») «решать», «присуждать» и арч. *лбан ас* (= «воду делать») «плавать», морфологической слитности, ср. авар. *яс абизе* «посвататься», лезг. *гъисабун* (<*гъисаб авун*) «считать» и арч. *ламбус* (<*лам бос*) «лизать», и лексической самостоятельности именной части, ср. такие случаи, как арч. *риг-абас* «находить», лак. *валлI учин* «покачнуться», в которых именная часть самостоятельно не употребляется.

Отметим, что во всех рассматриваемых языках сложные глаголы представляют собой открытый лексический класс, и глагольный словарь пополняется в основном за счет его увеличения¹ (продуктивные словообразовательные суффиксы-вербализаторы типа русск. *-овать*, *-ировать* обычно отсутствуют²). При этом обращает на себя внимание малочисленность полувспомогательных глаголов, регулярно вступающих в эти сочетания, например, дарг. *варес* «делать», *изе* «быть», *икес* «попасть»; лезг. *авун* «делать», *хьун* «быть, становиться», реже — *гун* «давать», *члугун* «тянуть», *ттун* «класть» и некот. др.; чечен. *дита* «оставить», *дӕла* «кончить», *дан* «сделать», *дала* «дать»; арч. *бос* «говорить», *кес* «становиться», *ас* «делать», реже — *ачас* «реализовывать типичное функционирование», *элъас* «класть»; бежт. *овал* «делать», *ахӕл* «производить, рождать», *агӕл* «отнимать, тянуть», *эцӕл* «оставаться, стоять»; хиналуг. *кӕи* «быть», *хи* «идти», *кхви* «делать»; крыз. *дӕхрӕ* «делать», *шерӕ* «быть, становиться»; будух. *сиӕири* «делать», *йӕхари* «быть» и некот. др. Малочисленность таких фразеологических активных глаголов приводит к тому, что носителем лексического значения сложного глагола выступает в основном его именная часть.

Кажется очевидным, что процесс пополнения словаря непроеизводных предикатных единиц может происходить в языке 1) посредством расширения открытого класса непроеизводных глагольных лексем, ср. русск. *регулировать*, *мариновать* или 2) путем расширения открытого класса непроеизводных имен, являющихся названиями ситуаций, ср. русск. *кризис*, *покаут*. Второй способ предполагает, очевидно, функционирование в языке таких средств, которые превращали бы непроеизводное предикатное имя в финитное сказуемое, например, русск. *шторм* — *штормить*, *девальвация* — *девальвировать* и т. п. Соотношение первого и второго способов может оказаться различным в разных языках; в нахско-дагестанских языках явно господствует второй. Обращает на себя внимание конверсивная негибкость глагольно-именных сочетаний; ср., напротив, в русском языке: *оперировать* ~ *производить операцию* ~ *подвергать операции* ~ *подвергаться операции* ~ *операция производится* и т. п., см. [10], что подтверждает идею о большей семантической прозрачности синтаксических структур этих языков по сравнению со «среднеевропейским стандартом» [4].

Полувспомогательные глаголы со значением «становиться» и «делать» обычно обладают чисто синтаксической функцией предикативизаторов; при этом первый маркирует непреходный (факитивный), а второй — переходный (агентивный) тип сложного глагола, например, арч. *талахI бекес* «посчастливиться», *анх ас* «драться»; лезг. *кулIвар авун* «разбивать» —

¹ Сложные глаголы особенно широко распространены в лезгинских языках, где они по количеству значительно превосходят простые и где процесс заимствования глагольной лексики происходит очень активно, см., например [7, 8].

² Словообразование типа авар. *квач* «холод» — *квач-аге* «мерзнуть», *тӀегъ* «пветок» — *тӀегъ-аге* «пвести» справедливо оценивается как редкое и непроеизводное [9].

кукIвар хьун «разбиваться»; бажт. *малъци ровал* «учить», *сас батъал* «звучать».

Функция арч. *бос* «говорить», лак. *тIун*, дарг. (чирэг.) *й* с тем же значением в составе сложных глаголов может быть определена как также чисто синтаксическая: «совершать действие X», где X выражен неспрягаемой частью; отличие этих полувспомогательных глаголов от глаголов со значением «делать» — не в семантике, а в сочетаемости: предикативизатор *бос* (*тIун*, *й*) присоединяет в качестве неспрягаемой части только те морфемы, которые называют ситуацию метонимически — по ее типичному звуку, т. е. обладают звуко-символически мотивированным типом номинации: арч. *бу-бос* «мычать», *пIагъ-бос* «курить»; лак. *ав тIун* «выть», *гъурс тIун* «хрустеть», дарг. (чирэг.) *пиIич й* «чихать», *цаIр й* «звенеть».

В исторически переходных, но синхронно непереходных сложных глаголах выделяема синтаксическая связь между спрягаемой и неспрягаемой частью — «квазифактитивное отношение» по А. Е. Кибрику [5, III, с. 73, 78—79], проявляющаяся в том, что спрягаемая часть согласуется с бывшим Д^п. Оформление бывшего П^п эргативным падежом, как правило, сохраняется, вследствие чего возникает эргативообразная конструкция (П^п оформлено эргативом): арч. *зари батIас туманк камму* «я(эрг.) в-тура выстрелил» (= «ружье бросил»), дарг. *нуни къас-барра* «я(эрг.) решил» (= «цель сделал»), лезг. *гадади кIел-изва* «мальчик учится» (= «учение делает») и др.

Идеофонические сложные глаголы обычно реже других требуют эргативообразной конструкции. Так, например, в обычной абсолютной конструкции выступают глаголы, содержащие компонент *икIес* «говорить» в литературном даргинском языке (например, *гъургъурикIес* «ворчат»). В арчинском языке «квазифактитивные» (т. е. переходные по происхождению) глаголы почти никогда не управляют абсолютивом³, и даже в том случае, когда необходимо различать П^п и Д^п, последнее оформляется косвенным падежом: *зари къаркъатIе-с лъан ачу* «я(эрг.) поля(дат.) оросил». Однако идеофонические глаголы на *-бос* «говорить, сказать», как одноместные, так и многоместные, управляют падежами своих актантов по обычным правилам: *тIантI зиз-вар* «пчела(абс.) жужжит», *тор лъоннол ацIили къигъ-бо* «эта женщина(абс.) от-боли закричала», *зари лъан чваргъI-бо* «я(эрг.) воду(абс.) вылил», *зари дижъ ху-бу* «я(эрг.) суп(абс.) выпил». Исключение составляет небольшая группа глаголов, требующих П^п в эргативном падеже. А. Е. Кибрик приводит полный их список: *ту-бус* «плевать», *лIилъ-бос* «шипеть», *цвитI-бос* «свистеть», *чIоIе-бос* «чавкать», *уIни-бос* «сморкаться», *ухIу-бос* «каплять», *хIакъ-бос* «блевать», *аIнгаI-бос* «плакать» (о ребенке) — последний может управлять и абсолютивом. Почему эти и именно эти глаголы сохранили эргативное управление, остается неясным, так как нет никаких присущих только им семантических или формальных признаков, ср., например, глаголы *элм-мус* «плакать», *аIниша-бос* «чихать», *гъакъ-бос* «зевать», которые управляют абсолютивом. По устному сообщению А. Е. Кибрика, здесь, возможно, отразились противопоставления контролируемого/неконтролируемого и постоянного/временного действия.

В лакском языке, к которому арчинский близок географически и структурно, управление подобных глаголов обычно эргативное: *тана-л ваяъ укунни* «его стошнило», *тана-л пуе укунни* «он плюнул», *ччиту-л*

³ Тря исключения см. [5, III, с. 78].

мяе укунни «кошка мяукнула», *тана-л вев укунни* «он закричал», *тана-л хъугъу укунни* «он кашлянул». При неодушевленном ПН, как правило, выступает абсолютив: *гъварал вез-кIунтI укунни* «дождь закапал», *пилта парх укунни* «спичка вспыхнула», *ттугъ липI укунни* «знамя затрепетало» *чIапIуа кIунтI ккур укунни* «с-листа капля скатилась», *цавува оь чавхъ кунни* «из-раны кровь хлынула», *граната пIакъ укунни* «граната взорвалась». Неодушевленное ПН оформляется эргативом в случае персонификации: *дакI-ни-л парх укунни* «сердце вспыхнуло»; возможно и *дакI парх укунни* с абсолютивом. Ср. также примеры из хосрехского говора: *бур-цIил ав куна* «волк(эрг.) взвыл», но *ттуп пIакъ укунди* «мяч (абс.) лопнул».

В доступных нам материалах по чирагскому диалекту даргинского языка эргатив при идеофонических сложных глаголах со спрягаемой частью *й* «сказать» (констатив *укIле*, аорист *иб*) встретился лишь при нескольких глаголах активного физиологического действия с агенсом в 1-м лице ед. числа: *дице хъархъами ту ибда* «я (эрг.) на-камень плюнул», *дице чаратI ибда* «меня (эрг.) вырвало», *дице пиIни-ибда* «я(эрг.) чихнул», но *ду дуIле кIуркIур укIанда* «я(абс.) от-холода дрожу». С неличными именами употребляется абсолютив: *хварбайцIрка шин кIутI дукIле* «с-потолка вода(абс.) капает», *тIетI пIаIз букIле* «муха(абс.) жуужит».

В рутульском, агульском, табасаранском, лезгинском языках спрягаемая часть идеофонических глаголов обладает самостоятельным значением «делать» и является наиболее распространенным в этих языках вспомогательным глаголом. Идеофонические глаголы подпадают здесь под общее правило, согласно которому этот предикативизатор создает сложный глагол с эргативным управлением. См., например, в рутульском языке (говор с. Лучек): *зыры-р магъ ваъаръа* «корова (эрг.) мычит», *риги-р гъырчI ваъаръа* «дверь(эрг.) скрипит», *хыдыно-в гъынкъ гъаъас* «женщина (эрг.) будет всхлипывать»; во всех рутульских примерах предикативизатором выступает глагол *ас* «делать».

В агульском языке идеофонические глаголы на *акъас* «делать» также управляют эргативом. Примеры из бурцагского говора: *хIайван-ди кану-шари хIухIи кьунав* «лошадь в-конюшне заржала», *раъ-а чIагIар кьунав* «дверь скрипнула». Эргативное управление отмечено также у глаголов *чIиж* *акъас* «шипеть» (о мясе на сковороде), *бегI* *акъас* «блеть», *гIамчи* *акъас* «чихать», *ни* (а) *къас* «нюхать» и т. п. То же, по-видимому, верно и для табасаранского языка (с. Дюбек): *цIигъар-и мейар ипIурдув* «козы(эрг.) блеют», *йас журдиъи кепкер-и зенгер ипIурдаъис* «у-меня в-кармане деньги(эрг.) звенят».

В крызском языке более типичная для лезгинских языков эргативообразная конструкция *жыры-р мэгI ййрjе* «корова(эрг.) мычит», где спрягаемая часть образована глаголом *дjырj* «делать», почти полностью вытеснена конструкцией, включающей заимствованное из азербайджанского языка отглагольное имя на -*миш* и связку «быть» (см. [7]), например: *мйлаъмиш шерj* «мычать», *ме'алдъмиш шерj* «мяукать», *дзынгылдъмиш шерj* «звенеть» и т. д., приобретающей, в соответствии со свойствами предикативизатора *шерj* «быть», абсолютивное управление. То же имеет место и в будухском языке со связкой *йыхъри/йухори* «быть»: *вызылдъми йухори* «жуужать», *улами йыхъри* «выть», *джынгылдъми йыхъри* «звенеть» и многие другие глаголы, все управляющие абсолютивом.

Для аваро-андо-цезских языков в целом не характерна аналитическая структура идеофонических глаголов, ср., например, авар. *къвакъвадиге*

«кудахтать», *тузе* «плевать», однако эргативообразное построение отмечено и в некоторых из них: чамал. *усди туди* «он(эрг.) плюнул». В бежтинском языке идеофонические глаголы образованы с помощью словообразовательного суф. *-лIo/-лIe/-лIö*, этимологически связанного с общецезской морфемой комментатива: гунз. *лIин*, бежт. *лIo*, хварш. *лIo*, цез. *лIин* «говорит», «мол». К ним относятся те же разряды глаголов, что и в лакском, даргинском и лезгинском языках, ср. следующие примеры из тлядальского диалекта: глаголы со значением звукопроизводства: *лалалIo-* «кричать», *мөлIe-* «мычать», *мәгълIö-* «мяукать», *хөлIe-* «храпеть», глаголы «физиологического» действия: *хIицлIo-* «чихать», *йхлIo-* «сморкаться», *тйлIe-* «плевать»; глаголы, обозначающие действия, названные по производимым при них звукам: *ләйлIe-* «мести», *парлIo-* «развешиваться», *кәйчлIö-* «тесать топором», *хислIo-* «тесать ножом» и мн. др. С непереходными глаголами отмечено эргативообразное построение: *истIи хIицлIоро* «брат(эрг.) чихнул», *сойрали хIөхIөлIөрö* «лошадь (эрг.) заржала». Переходные глаголы обладают обычной моделью управления, т. е. выступают в эргативной конструкции: *истIи вино хулIoц* «брат (эрг.) вино (абс.) пьет». Согласование идеофонического глагола с ПЧ в эргативе невозможно. Подобно переходным глаголам, непереходные идеофоны в бежтинском языке требуют особой формы каузатива на *-лл-*: *лалалIал* «кричать» — *лалалIo-лл-ал* «заставлять кричать», ср. каузатив от непереходного глагола *угьал* «умирать» — *угьо-л-ал* «убивать» и от переходного *режәл* «нести» — *реже-лл-әл* «заставлять нести». Так же, как и переходные, идеофонические глаголы допускают присоединение интранзитивизатора *-дә-*, который замещает суф. *-лIo-*: *ис хIиц-дә-ц* «брат(абс.) чихает», для других непереходных глаголов это не свойственно.

В хошархотинском диалекте идеофонические глаголы управляют абсолютивом: *өжө кIәрлIөч әлIәгьөр* «мальчик(абс.) гуляет по-аулам», *шаглич лIи гьарлIoц* «в-котле вода(абс.) кипит». В собственно бежтинском диалекте, по сообщению М. Ш. Халилова, некоторые идеофонические глаголы управляют эргативом: *гьицлIал* «чихать», *гьөгьолIал* «ржать», *колIал* «выть», *өмIәл* «вырвать», *хөлIәл* «храпеть», *гьикIлIал* «икать», некоторые — абсолютивом: *әлIәл* «мерзнуть», *дузлIал* «онеметь, отсидеть», *кIәйIәл* «гулять, вертеться, крутиться», *лахлIал* «шевелиться». При этом, по-видимому, к последним относятся все глаголы, требующие неодушевленного ПЧ, ср., например: *өз шйшйIөш* «снег (абс.) шуршит», *өкө цIим-лIөйө* «монета (абс.) звякнула», *ац цIиIәлIөйө* «дверь(абс.) заскрипела». Из других цезских языков эргативное управление идеофонических глаголов можно предполагать в хваршинском, судя по единственному примеру такого рода, зафиксированному Р. Шарафутдиновой и Р. Левиной: *мич-а кәй-лIа* «крапива(эрг.) жжется» [11].

Отдельного рассмотрения заслуживают синтаксические свойства сложных, в том числе идеофонических, глаголов на *авун* «делать» в лезгинском языке. Эти глаголы могут варьировать степень морфологической слитности спрягаемой и неспрягаемой части, например: *кьуьл авун/кьуьлуьлун* «танцевать», *кьуьл ийизва/кьуьлизва* «танцует», *кьуьл авуна/кьуьлуна/кьуьлна* «танцевал», *кьуьл ая/кьуьла* «танцуй!». Как показал М. М. Гаджиев, слитные формы соответствуют отвлеченному, а неслитные — конкретно-предметному (в современной терминологии — нереферентному и референтному соответственно) значению именной части, что видно, например, в следующих предложениях: *кIвал шиткидайла*, *руша руг авуна* «комнату подметая, девушка напылила» и *малари сал ругна* «скотина ого-

род разорила» (букв.: «обратила в пыль»), см. [12, с. 40—42]. Продуктивность как глагольно-именных сочетаний на *авун*, так и морфологически слитных образований того же происхождения и их функциональная разграниченность заставляют предположить, что мы здесь имеем дело не с фразеологическим сочетанием, а с регулярным предикативизирующим процессом, превращающим именную основу в глагольный комплекс. Этому явлению нетрудно найти параллели в неродственных языках; ср., например, явление «свертывания» в эскимосском языке, когда устранение полнозначного глагола сопровождается предикативизацией Д^П: *агнагахам тукфима игақ* «девочка купила книгу» — *агнагақ игақақуқ* «девочка книгу-приобрела» (букв. «окнижилась») [13].

В качестве примера эргативного языка, где аналогичное преобразование не меняет, как и в лезгинском, но в отличие от эскимосского, управления глагола, можно привести язык хуа (семья ягариа, Новая Гвинея): в нем наиболее употребительный глагольный деривативный суф. *-hi* образует новые глаголы, присоединяясь к слову любой части речи, исключая исконные глаголы и прилагательные, например: *фина* «драка» — *фина-hi* «драться», *Кта* «вес» — *Кта-hi* «быть тяжелым», в том числе и к междометиям: *ui* «ура» — *ui-ui-hi* «кричать „ура“». П^Н при этих глаголах во всех случаях может выступать в эргативе: *fu-mu' korihi* «свинья (эрг.) убежала» (*kori* «бег», *kori-hi* «бежать») [14]. Ср. с этим «свертывание» конструкций с глаголами *эцигун* «строить», *расун* «свернуть (конверт)» *чурун* «печь», *цун* «пить» в лезгинском, которые, как отмечает М. М. Гаджиев, могут быть все заменены на *авун*, а их лексическое значение восстанавливается из семантики объекта [12, с. 38].

Переходные глаголы на *авун/-ун* имеют стандартное падежное управление — П^Н в эргативе, Д^Н в абсолютиве: *ада кьатIна зи хиял* «он(эрг.) прервал (букв. „обрывок сделал“) мою мысль(абс.)», непереходные управляют эргативом: *ада хъелцIза* «он обижается», *тиниди чIурчIур ийизва* «тесто бродит». Тем самым внутри занимающей значительную часть лезгинского глагольного словаря подсистемы глаголов на *авун* действуют номинативно-аккузативные правила падежного управления: единственный актант (П^П) при одноместном глаголе получает тот же падеж, что и агент (П^П) при многоместном, отличный при этом от падежа пациенса (Д^П) при многоместном.

Все глаголы, выступающие в лезгинском языке с эргативообразным построением, образуют подмножество большого продуктивного класса глаголов с наосновным ударением, имеющих, в отличие от глаголов с наконечным ударением, единый тип спряжения; подробный анализ их морфологических свойств содержится в работе М. Моор [15]. К этому классу относятся и глаголы, не разлагающиеся на сочетания с *авун*, притом с обычным абсолютивным управлением: *гъахун* «входить», *шэхун* «плакать», *кьърсун* «висеть», *алтIушун* «толпиться» и мн. др. В него попадают все сложные глаголы, но не все глаголы этого класса синхронно производны от сочетания имени с глаголом *авун*.

Особую группу представляют одноместные глаголы на *-ун*, которые, в отличие от рассмотренных выше, не имеют параллельной аналитической формы с глаголом *авун*, но тем не менее обладают эргативным управлением, например: *зверун* «бежать», *къатадун* «валиться», *хкадарун* «прыгать», *чукурун* «бежать, мчаться» и некот. др., ср. *ада хкадарна* «он(эрг.) прыгнул», *гадади чукуризва* «мальчик(эрг.) бежит», см. о них работу Э. М. Шейхова [16].

Проблема диахронической производности глаголов с наосновным ударением от сочетаний с *-авун*, по-видимому, может быть решена с использованием фонетических соображений. Присущая этим глаголам специфическая словоизменительная парадигма — презенс на *-изва*, масдар на *-ун*, перфект на *-на* — не восходит непосредственно к пралезгинским типам спряжения, а отражает фонетические модификации глагола *авун* < **аъван* «делать»: **аъв-изва* > **айизва* > *ийизва* > *изва*; **аъв-ан* > **аъун* > *авун* > *уеун* > *ун*; **аъв-ана* > **аъуна* > *авуна* > *уеуна* > *уна* (с синкопой безударного *у*) и т. п.⁴ Впоследствии часть глаголов на *-ун* приобрела соответствующее семантике абсолютное управление, часть сохранила соответствующее форме эргативное управление. При этом некоторые сохранили разложимость на глагольно-именное сочетание, а другие утратили это свойство.

Эргативобразное построение предложения с личными местоимениями 1-го и 2-го лица в бацбийском языке уже давно обсуждается в кавказоведческой литературе [17—19; 20, с. 263—264]. По Ю. Д. Дешериёву [21], в бацбийском имеет место противопоставление форм личных местоимений 1-го и 2-го лица, далее называемых просто местоимениями, в конструкции с непереходным глаголом в зависимости от активного/инактивного характера действия: различаются «эргативные» формы *а-с* «я», *а-хъ* «ты», *а-тхо* «мы» (экскл.) и *а-иш* «вы», выступающие при активных глаголах, и «номинативные» формы *с-о* «я», *хъ-о* «ты», *тх-о* «мы», *ш-у* «вы», выступающие при инактивных. Первые формы сочетаются с 1) глаголами звукопроизводства: *лев* «говорить», *виш* «смеяться», *дугI* «мычать, блеять», *чIенIра-* «пищать»; 2) глаголами целенаправленного и нецеленаправленного движения: *ватI* «бежать», *виттвал* «купаться», *лел* «ходить», *итI* «бегать», *эжж* «прыгать», *хъалжхитт* «вставать», *лалIкъ* «спрятаться», *лабI* «играть», *текхе* «ползти»; 3) глаголами контролируемого состояния: *вāх* «жить», *хъахI* «глядеть», *латт* «стоять». Вторые формы сочетаются с глаголами, обозначающими неконтролируемые процессы и состояния: *десIлар* «распугать», *хилаър* «бывать», *акIдар* «дрожать», *далар* «умирать», *малдалар* «устать», *дакIлар* «гореть», *дожар* «падать», *хъакIвалар* «жаждать», *ва* «быть». Некоторые глаголы могут присоединять как «эргатив», так и «номинатив» местоимений, соответственно чему меняется произвольность/непроизвольность обозначаемого ими действия: *со воже* «я упал» (не по своей воле) — *ас воже* «я упал» (нарочно); *со коттол* «я беспокоюсь» (пассивно, не по своему желанию) — *ас коттлас* «я беспокоюсь» (активно, по своей воле). При переходном глаголе Пп и Дп маркируются соответственно «эргативной» и «номинативной» формой местоимений.

В последнее время изучением активной конструкции в бацбийском занималась Д. Э. Холиски, с неопубликованной статьей которой мы имели возможность ознакомиться. Так же, как и в предшествующих работах, у нее выделено три класса одноместных глаголов: 1) управляющие только «номинативом» местоимений — *милдар* «быть холодным», *къандалар* «стареть», *гъал декIдар* «дрожать» и др., всего 21 глагол; 2) управляющие только «эргативом», всего 70 глаголов: *ахар* «лаять», *лалар* «ходить», *лапIуIлар* «играть» и др.; 3) глаголы, меняющие тип управления в зависимости от «агентивности», т. е. от намеренности/ненамеренности и контролируемости/неконтролируемости совершаемого в конкретной ситуации

⁴ Разъяснением фонетического развития глаголов на *-ун* в лезгинском мы обязаны С. А. Старостино.

действия. Д. Э. Холиски отмечает при этом, что оппозиция «эргатив»/«номинатив» функционально асимметрична: в то время как «номинативная» форма всегда передает неагентивность ПН, «эргативное» оформление нейтрально: оно может кодировать агентивное ПН, но не обязательно.

В наших материалах по бацбийскому языку глаголов, допускающих значимое варьирование форм местоимений, также оказалось довольно много, например, *so/as wax* «я живу», *so/as kastIla* «я тороплюсь», *so/as xweɣIamla* «я просыпаюсь», *so/as malla* «я устаю», *so/as westIes* «я опухаю», *so/as wali* «я умер», *so/as waɣɣi* «я утонул», *so/as wiɣ* «я лежу», *so/as toɣɔs* «я сплю». В некоторых случаях присоединение «номинативной» формы местоимения возможно только при преобразовании с изменением формы глагола (суф. -ла), ср. *as* (*со) *watx* «я плачу» — *so watx-la* «я плачу» (не по своей воле), *as* (*со) *vilas* «я смеюсь» — *so wel-la-s*, *as* (*со) *litxas* «я прыгаю» — *so letx-la*, *as* (*со) *wuɣɛs* «я кричу» — *so wuɣ-la*, *as* (*со) *utIas* «я бегу» — *so utI-la-s*; в приведенных примерах факультативный личный афф. -с можно не принимать во внимание⁵. Иногда, по-видимому, роль афф. -ла выполняет аблаут: *as xwiɣɣIas* — *so xɛɣɣIas* «я кружусь», *as wibɣas* — *so wɛbɣes* «я падаю».

Способ образования местоименного «эргатива» (преф. *a-*) отличается от регулярных способов его образования (окончания -*ə*, -*s*); «активный» падеж местоимения встречается в роли ПН, недопустимой для эргативной формы существительного. Вследствие этого можно предположить, что местоименные словоформы не тождественны по набору грамматических категорий словоформам существительного. Например, можно говорить не об эргативном и абсолютном или номинативном, а об «активном» и «инактивном» падежах бацбийских местоимений. Наконец, можно считать различия *so/as*, *xɔ/aɣ* и т. д. не падежными, а словообразовательными, и тогда активные и инактивные местоимения окажутся разными лексическими единицами, противопоставление которых нейтрализуется в косвенных падежах (дат. *son*, *xɔn*, совместн. *soɣi*, *xɔɣi* и т. д.).

В южном диалекте табасаранского языка аналогичное противопоставление проявляется не в морфологических формах местоимений, а в их согласовательных признаках: «активные» местоимения *uzu* «я», *wu* «ты», *uɣu* «мы», *uɣu* «вы» согласуются с глаголом с помощью субъектных показателей -*za*, -*wa*, -*ɕa*, -*ɕwa*, а «инактивные», по форме совпадающие с «активными», требуют других согласователей: -*zu*, -*wu*, -*ɕu*, -*ɕwu*, см. [23—26]. Несмотря на отсутствие в этом случае эрг. падежа, конструкцию с непременным глаголом, содержащим аффиксы первого типа, можно считать эргативообразной, так как синтаксические функции личных местоимений выражены в данном случае только с помощью согласования. Примеры: *ɣɛuɣɛwun-za-wu* «я тебя побил»; одноместные инактивные глаголы — 1) непроизвольного движения: *alɔaɣura-zu* «я падаю», *kɕɛwɛɣura-zu* «я скольжу», *xɕaɣɛun-zu* «я споткнулся», *ɣɛariɕ ulɔɣun-zu* «я заблудился в лесу», *kabɕɛun-zu* «я утонул», *kerɕun-zu* «я повис», *mIɣɛwura-zu* «я качаюсь», *birɔɣura-zu* «я гнусь»; 2) непроизвольного интеллектуального и эмоционального действия и состояния: *ɣɛɛɛɛun-zu* «я испугался», *ɣɛalamI ɣɛaɣun-zu* «я ошибся», *ɣɛwari aɣun-zu* «я понял»; 3) физического состояния тела: *uɣura-zu* «я горю», *aɕIun-zu* «я насытился», *ɣɛarɣɛIun-zu* «я

⁵ Рассматриваемый здесь афф. -ла выступает также в качестве интранзитивизатора *бадре-в мейхъ йакъо* «ребенок (эрг.) хлеб (абс.) ест» — *мейхъ йакъ-ла* «хлеб(абс.) съедается», *нана-с жагно ɣemIɔ* «мать (эрг.) книгу (абс.) читает» — *жагно ɣemIɔI-ла* «книга (абс.) читается». В. С. Храковский под вопросом относит эту конструкцию к пассивным [22]. Синтаксические свойства афф. -ла требуют дальнейшего изучения.

опух», *гъаргъун-зу* «я замерз», *эргра-зу* «я устал», *кацІну-зу* «я испачкался», *уйура-зу* «я болен». Примеры на одноместные активные глаголы: *чеъра-за* «я сижу», *аьлхъура-за* «я смеюсь», *къвухура-за* «я катаюсь», *дахъун-за* «я лег», *гъишун-за* «я заплакал», *гъилихун-за* «я поработал», *гъитІурхун-за* «я полетел», *гъудузун-за* «я встал», *дийигъун-за* «я остановился», *дусун-за* «я сел», *албагун-за* «я помирился», *гъушун-за* «я пошел», *уцІеун-за* «я вошел», *хътаркун-за* «я вернулся», *урсун-за* «я прыгнул», *гъейиргун-за* «я подпрыгнул на месте», *гъергун-за* «я убежал», *гъуцеурхун-за* «я полз», *илбицун-за* «я кружился». Как можно видеть, в этих глаголах содержится информация о том, что П^п контролирует ситуацию, и все противопоставление в целом, как кажется, образует примерно такие же два класса глаголов, как и в бацбийском.

Перейдем к рассмотрению эргативообразных построений с переходными глаголами. Здесь можно выделить два случая: первый — когда часть переходных глаголов выступает с Д^п в форме косв. падежа, и второй — когда часть имен, выступающих в роли Д^п при переходном глаголе, оформляется косв. падежом. В структурном отношении эти две конструкции не отличаются друг от друга; в обеих П^п выражено эргативом, а Д^п — формой, отличной от абсолютива. Однако их парадигматические признаки различны: в первом случае распределение эргативной и эргативообразной конструкции обусловлено свойствами глагола-сказуемого, во втором — Д^п.

Конструкция первого типа рассмотрена М. Е. Алексеевым, см. [20, с. 180—182], где подобные глаголы предлагается называть «квазитранзитивными». При них вообще не может выступать имя в абсолютиве, например, авар. *дица бицуна инсул* «я(эрг.) говорю об-отце(род. п.)», *дида хІанччана борохъица* «меня(лок.) укусила змея(эрг.)»; *танал ттухъ цІуххала дунни* «он (эрг.) меня(лок.) спросил»; крыз. *ришир шидрух хокрăгІăджи* «девушка (эрг.)сестру (адессив) зовет».

По предположению А. А. Бокарева, высказанному на материале аварского языка, подобные предложения могут быть результатом исторического преобразования таких эргативных конструкций, где имя в абсолютиве выражает участника ситуации, перемещение которого воздействует на другого участника, ср. лезг. *Алиди кицІе къуьл эцъна* «Али собаку ногой (абс.) толкнул», чечен. *ас цІевнна доьжа доьжку* «я сноп связлом(абс.) вяжу», авар. *Ідица досда къабуна тІил* «я его ударил палкой(абс.)» [20, с. 184—185]. По А. А. Бокареву, «решающую роль здесь сыграло, по всей вероятности, то обстоятельство, что при глаголах *хІанчІизе* „кусать“, *зинкІкІизе* „щипать“, *чуртизе* „щелкнуть пальцем“... тот предмет, с помощью которого производится действие, заранее известен, так как у каждого из этих действий он один и особый. Этим создавались благоприятные условия для поглощения прямого дополнения сказуемым... При глаголах *къабизе* „бить“, *цІавазе* „ударять“, *хІунсизе* „колоть“ объектов... может быть много. Это и создавало препятствия для поглощения их сказуемым» [27].

Из всех нахско-дагестанских языков, по-видимому, лишь в удинском выбор конструкции предложения при переходном глаголе может определяться грамматическими признаками имени в роли Д^п. В соответствии с правилом, сформулированным уже у А. Дирра [28, с. 17], абсолютивом оформляется в удинском языке только неопределенное Д^п, а определенное выступает в дательно-винительном падеже (-х); таким образом, в первом случае имеет место эргативная конструкция, а во втором — эргативообразное построение. В подтверждение этого правила А. Дирр приводил, в

частности, следующие примеры: *ахъа ме гѳмѳишун за Ингу-х* «возьми этот серебряный колокол», *аргъо-х чIаппа* «огонь потуши», но за *тѳум тада* «мне хлеба дай», *фѳи ма уIгъа* «вина не пей». В том же виде правило приводится у В. Шульце [29]. Е. Ф. Джейранишвили [30] предложил уточнение к этому правилу, сообщив, что оно действует только тогда, когда ДП находится в препозиции к глаголу-сказуемому; когда оно находится в постпозиции, имеет место свободное (нефункциональное) варьирование абсолютива и дательного-винительного. Однако просмотренные нами удинские тексты⁶ в этом не убеждают, ср. следующие примеры: *гъазирбанан вуIгъ хъатир* «приготовьте семь мулов» и далее в тексте: *Рустамен ахъи вуIгъ хъатира-х* «Рустам, взяв семь мулов» (Р 7); *шотIгъонал такъунди шотIу сакъовицI гѳмѳиш* «они предложили ему тридцать сребренников» (Мф 26,15) и далее — *хъайнеди хъош сакъовицI гѳмѳиша-х* «возвратил тридцать сребренников» (Мф 27,3); *бинетIи арумун къати ил* «посеял между пшеницею плевелы» (Мф 13,25) и далее — *гирбанан сѳфтѳи иллу-х* «соберите прежде плевелы: (Мф 13,30); *са тIалантI акъитIин* «получивший один талант» (Мф 25,18) и далее — *метѳр акъанан катIхо тIалантIа-х* «итак, возьмите у него талант» (Мф 25,28). В обследованных нами текстах не обнаружено никаких явных зависимостей между линейным расположением ДП и его падежным оформлением.

Распределение форм абсолютива и дательного-винительного в удинском языке для выражения ДП подчиняется следующим правилам:

1. Личные местоимения и собственные имена выступают только в 'дательно-винительном падеже (исключений не обнаружено): *шетIинал йакъанебе за-х* «он послал меня» (Ин 7,29), *зу ва-х азакIе* «я тебя видел» (Ин 1, 48), *шетIу-х(-ал) чихаркIестIа* «ее избавь» (Р 12), *Авраамен бинехе ИсаакIа-х* «Авраам родил Исаака» (Мф 1,2), *Филиппен болгъаIнебса Нафанаила-х* «Филипп находит Нафанаила» (Ин 1,45).

2. Одушевленные (личные и неличные) существительные обычно также выступают в дательно-винительном падеже: *те чобани чубгъо-х танешса* «того пастуха жену берет» (Р 7), *ваI чебакашун атIукIи адамара-х* «и проходя увидел человека» (Ин 9,1), *товкъундесай усургъо-х, эгъелгъо-х ваI гегъургъо-х* «продавали волов, овец и голубей» (Ин 2,14).

Отмечены случаи, когда одушевленные имена, будучи неопределенными или нереферентными, оформляются абсолютивом: *тIессагъат болгъаIнан-бо джѳгъа элеIм* «тотчас найдете молодого осла» (Мк 11,2), *ваI бинехо ггар* «и родит сына» (Мф 1,23), *ваI эвахте бесаин чѳли, тадане дизикI* «и когда попросит рыбы, дал бы ему змею» (Мф 7,10), *фикиркъунби те акъокIса элмух* «подумали, что видят духа» (Лк 24,37).

3. Неодушевленные имена, будучи определенными, выступают в дательно-винительном падеже. Определенность может обеспечиваться: а) уникальностью объекта или его единственностью в данной ситуации: *ваI абалабоко догърина-х* «и познаете истину» (Ин 8,32), *шетIин могъоренестIа жалхиу-х* «он обольщает народ» (Ин 7,12), *эвахте шетIа чIукIу-рух банекса йѳ ваI чIенеха жазалу-х* «когда ветви ее становятся уже мягкими и пускают листья» (Мф 24, 32); б) наличием детерминатора — элемента, придающего имени статус определенной референтности (указательного или притяжательного местоимения, прилагательного, определительного придаточного и т. п.): *акъа ви йоргъан дѳийдѳа-х* «возьми постель твою» (Ин 5,8), *ви пачшахлыгъа-х ахъалле* «твое царство возьмет» (Д 84), *ваI*

⁶ Перевод Евангелия [31] (далее мы приводим ссылки на главу и стих по этому изданию), сказка «Рустам» [32] (далее Р с указанием страницы) и несколько сказок и разрозненные предложения, опубликованные А. Дирром [28] (далее Д и номер страницы).

жкунчери шетла бе-х «и принесли его голову» (Мф 14,11), чинечери ич мерана-х «извлек меч свой» (Мф 26,51), пасбанан ме намаза-х «разрушьте храм сей» (Ин 2,19), матинте танеде йа ме гъоуза-х «который дал нам этот колодезь» (Ин 4, 12), хъайжунни кIоджин йапузга-х «раскрыли кровлю дома» (Мк 2,4), амма хааIхoIнал укьун кеса локIмизго-х, маноте барреса агъагъо стIолахо шотIгъой «но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф 15,27); в) эксплицитной упомянутостью объекта в предыдущем контексте: шононе, матIухте зу, кIутIор йум чапи, тадалзу. ВаI кIутIора-х чапи, танеди Иуда «тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде» (Ин 13,26); такьунди шетла ача кех кIовала... кIовала-х акьи, дукунгъесай шетла бех «дали ему в правую руку трость... взявши трость, били его по голове» (Мф 27,29—30), хинърен чинечери кIойнун бошIан каIгъза-х «дочь вынула из шапки (то) письмо» (Д 85), экиа абуз: кьызыл, йохсам намаз, матинте афренежа кьызыла-х «что больше: золото или храм, освящающий золото?» (Мф 23,17).

В дательно-винительном падеже выступают также некоторые родовые наименования: ваI йакъанбеса аггалина-х догъритIгъой ваI гунъгъкIагъой лахо «и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5, 45), йаратмишнебе ише-х кьан чубгго-х «сотворил мужчину и женщину» (Мк 10,6).

В дательно-винительном падеже выступают имена с кванторными словами гъар(са) «всякий», бътIйн «все», гôдô «много»: ваI пине шотIух бътIйн догъритIу-х «и сказала ему всю истину» (Мк 5,33), шелбесин гъар аза-ра-х ваI гъарса йаригго-х адамаргъой «исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф 4,23).

4. Неодушевленные имена со статусом неопределенности или периферентности выступают в абсолютиве: зу боIгъаIзбе са тыфънг, йиша шено «я нашел одно рубье, чье оно?» (Д 64), зу вах таздеса тънгй «я тебе даю деньги» (Д 63), ваI алди цацнухо тадж «и сплетши венец из терна» (Мф 27, 29), матинте бинетIе шел цил «который посеял доброе семя» (Мф 13, 24), зу тазде эфаI ôгът «я дал вам пример» (Ин 13,15), гôдô вахтIе адамари экъ тез кей «долгое время человеческого мяса не ел» (Р 12), шел же тада «хорошую воду дай» (Р 13), банеке са кIоджин кIонджух, матинте серребе чIап.ауз, таранеди бипчо гъаьсър, кайнепи шетла бош маран, серреби минърй «был некоторый хозяин дома, который посадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню» (Мф 21, 33), сербен хиб чъдир «сделаем три кущи» (Мк 9,5), шотIгъон такьунди шотIу анесби чълин бар ваI чечла уIч «они подали ему часть печеной рыбы и сотового меда» (Лк 24,42).

Остается подчеркнуть, что из выбранных нами 400 примеров на оформление Д^п обнаружилось не более 20 явных исключений из приведенных выше правил, описывающих соотношение эргативной конструкции и эргативообразного построения в удинском языке.

В текстах, записанных А. Дирром, обращает на себя внимание интересное явление, как кажется, еще не отмеченное в описаниях удинского языка: Д^п, которое совпадает с ремой, присоединяет к себе местоименную клитику, тождественную личным аффиксам глагола, и выступает при этом в абсолютиве: гIоIшаI дбеген са нишан-не тастIа гъара «шотом дэв один значок (-он) дает сыну» (Д 93); зу са халча-з сербо «я один ковер(-я) сделаю» (Д 90); зу пIаI айел-зу эIо «я двух детей (-я) принесу» (Д 90).

Подводя итоги, можно отметить высокую функциональную нагруженность эргативообразных построений. Это относится даже к одноместным

эргативообразным конструкциям, эргативное управление которых, вообще говоря, мотивировано формально. Как можно увидеть, сохранение такого управления дольше всего имеет место при глаголах с валентностью на агенс, глаголах с одушевленным партиципантом и т. п. Тем более сказанное выше верно по отношению к активному типу эргативообразного построения в бацбийском и табасаранском языках и к способу выражения категории определенности в удинском. Как показывает материал неродственных языков, функциональная нагрузка эргативообразных построений в нахско-дагестанских языках довольно типична для каждого из этих построений и отражает некоторые общеязыковые тенденции к использованию формальных средств в предикативной конструкции. О таких тенденциях в распределении конструкций с маркированным и немаркированным Д^п см., например, в работах [33, 34]; о соотношении различных конструкций с переходными глаголами см., например [35, 36].

Автор выражает благодарность А. Е. Кибрику за его любезное разрешение воспользоваться материалами Дагестанских лингвистических экспедиций МГУ, без привлечения которых фактическая база настоящего исследования была бы далеко не полной. Автор, кроме того, весьма признателен за ценные консультации М.-С. М. Мусаеву, М. Ш. Халилову, К. Т. Чрелашвили и Э. М. Шейхову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизаренкова Т. Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
2. Абдуллаев З. Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971. С. 277—278.
3. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973. С. 51.
4. Кибрик А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // ИАН СЛЯ. 1980. № 4.
5. Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов Д. С. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. I—III. М., 1977.
6. Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М. 1980. С. 3—4.
7. Асланов А. М. Функционирование тюркских глаголов на *-mɨʃ* в лезгинских языках // ЕИЯ. 1977. IV.
8. Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966. С. 239—240.
9. Хайдаков С. М. Система глагола в дагестанских языках. М., 1975. С. 29—30.
10. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. Гл. 5.
11. Шарафутдинова Р., Левина Р. Хваршинский язык (предварительное сообщение) // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961. С. 108.
12. Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. I. Махачкала, 1954.
13. Вахтин Н. Б. Структура предложения со сказуемым — субъектно-объектным глаголом в эскимосском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976. С. 20.
14. Haiman J. Hua: a Papuan language of the Eastern Highlands of New Guinea. Amsterdam, 1980. P. 292, 361.
15. Moor M. Studien zum lesgischen Verb. Wiesbaden, 1985.
16. Шейхов Э. М. Лексико-грамматические классы глаголов в лезгинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
17. Schiefner A. Versuch über die Thusch-Sprache oder die khistische Mundart in Thuschetien. St.-Petersburg, 1856 S. 73.
18. Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках // Эргативная конструкция предложения. М., 1950. С. 36—37.
19. Дешериев Ю. Д. Некоторые особенности эргативного строя предложения в бацбийском языке // Язык и мышление. Т. XI. М.—Л., 1948. С. 155—157.
20. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980.
21. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953. С. 224—226.
22. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диагезы и залоги. Л., 1974. С. 39.

23. Магомедов А. А. Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка // ИКЯ. VII. 1955. С. 361—364.
24. Магомедов А. А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965. С. 199.
25. Ханмагомедов Б. Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970. С. 68.
26. Кибрик А. Е., Селезнев М. Г. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М., 1982. С. 25—26.
27. Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949. С. 32.
28. Дирр А. М. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXIII. Отд. IV. Тифлис, 1904.
29. Schulze W. Die Sprache der Uden in Nord-Azerbaidžan. Wiesbaden, 1982. S. 194.
30. Джейранишвили Е. Ф. Удийский язык. Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. С. 127 (на груз. яз.).
31. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках / В переводе С. Бежанова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. XXX. Тифлис, 1902.
32. Удинская сказка «Рустам» // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. VI. Тифлис, 1888.
33. Козинский И. Ш. Вариативность в кодировании дополнений и связанные с ней универсалии // Институт востоковедения АН СССР. Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. Ч. 2. М., 1982.
34. Comrie B. «Definite» and «animate» direct objects: a natural class? // *Linguistica Silesiana*. 1979. V. 3.
35. Dixon R. M. W. Ergativity // *Language*. 1979. V. 55. No. 1.
36. Rosen C. G. The interface between semantic roles and initial grammatical relations // *Studies in relational grammar*. 2. Chicago—London, 1984.